

Михаил Кольцов. Красный КИТЯЖ. Троцкий.

На белой дубовой двери — старая круглая жестянка: "Классная дама". И новенький, наскоро состряпанный плакат: "Комиссариат военных дел П. Т. К."

Где прежняя жиличка высокой строгой комнаты с целомудренно выбеленными стенами и широкими окнами на Неву? Уехала вместе со своими питомцами в Новочеркасск или где-нибудь на Елабуге отдыхает от петроградских ужасов и страстей?

Новые люди в Смольном.

У стены, подле входа в военный комиссариат — тесное кольцо солдат, матросов, штатских. Лица у всех безучастные, окаменевшие, серые от усталости и бессонницы. Но глазами все едят комиссара по военным делам.

Народному комиссару не впервой. Он привык выдерживать взгляд толпы. А как, должно быть, трудно выдерживать его на себе — благоговейный и испытующий, молящий и недоверчивый взгляд!

Троцкий привык. Он и сам каждую минуту в наступлении. Неторопливо шевелит тонкими губами и одновременно нащупывает глазами лица собеседников. Тайный вызов: верите? боитесь?

Солдатам Троцкий чужд, нов и интересен. Таких они еще не видали. Подвойские и Мураловы, Зорины и Дыбенки — все свои, понятные, взнесенные на высоту стихийной красной волной, выброшенные из недр революции, из ее кроваво-огненного нутра. Лениных и Бонч-Бруевичей они тоже знают — многоречивые интеллигенты, "учителя в спинжаках" давно ходят в народе и плохо ли, хорошо ли — знакомы с ним. Такие, как Троцкий, еще не появлялись...

Он пришел извне, снаружи. Пришел к революции, а не вышел из нее. Не русский и не иностранец. Как будто еврей, но нет — кажется, не еврей.

Со своего лица, резко семитического, он смел все национальное, все личное, свое. В умных, злых еврейских глазах поселил пустоту. От курчавой бородки оставил только один мефистофельский клочок — старый знак международных авантюристов.

Он космополит. Он играет в общечеловечность. В этом его выигрыш. Русским людям чужд интернационализм. Во всей русской литературе нет ни одного героя-интернационалиста. И десятки космополитов — людей без отечества.

Солдаты свергли Николая, своего, знакомого. Свергли Керенского. А поставили себе — чужого интернационального человека с пустыми глазами и трагическим клоком на подбородке. Они любят Троцкого. И его глаза. И его голос — пронзительный, скрипучий, скребущий гвоздем по стеклу.

Когда Троцкий говорит, это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы. Это Анатэма, пришедший мириться с людьми. Что он им, умный, отважно-находчивый еврей, этим славянам, неожиданно серым, лесным скифам?

Чужое — дорого. Они верят Троцкому. Он им нужен. Он даст хлеб и мир.

...Солдаты не читали статей и фельетонов Троцкого, они не знают, что Троцкий обманул их.

обеспьера", то зачем Троцкому-фельетонисту об этом разбалтывать?

Ведь от Троцкого-революционера ждали не трагической печати, а мира и хлеба.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Еженедельник "Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни". Киев, 1918, № 8 (сентябрь), с. 8—9.